Сердце офицера

Автор:
Марина Кистяева

Сердце офицера

Марина Анатольевна Кистяева

В тот день он «получил» генерала и попал в аварию… Выжили все. Но пострадала маленькая девочка.

А её мама разбила ему сердце.

В книге присутствует нецензурная брань!

Марина Кистяева

Сердце офицера

Глава 1

– Петр Михайлович… – жалостливый голос раздался с соседнего сиденья. – Может, всё-таки я…

– Лежи уж, лейтенант.

Громов довольно усмехнулся и поддал газку.

Если бы кто-то сутки назад сказал ему, что он, обмывая большую генеральскую звезду, сядет за руль после знатной пьянки, Петр лично налил бы шутнику граненый стакан «беленькой» и проконтролировал бы, чтобы тот выпил все до последней капли.

Черт побери… Да!

Он получил генерала!

Пришло распоряжение.

Адреналин до сих пор бегал по крови, удовлетворяя и теша тщеславие Петра.

Громов с самими близкими сослуживцами два дня назад уехали за город, где знатно покутили. Нельзя такое событие оставить без внимания. Дальше – больше. Ему ещё не раз придется проставиться, а потом…

Потом только вперед. Петр сильнее сжал руль. Его «гелик» несся по дороге, на спидометр мужчина даже не смотрел. За рулем должен был находиться водитель, Серега. Тот все два дня сидел, тоскливо посматривая, как гуляет начальство, готовый в любую минуту сорваться в ночь и привезти то, что вышестоящее руководство пожелает. Гоняли они его пару раз… Не без этого.

А потом Серегу скрутило. Где он подхватил чертову инфекцию – непонятно. Парню реально поплохело. Они уже выехали в город, и тут того прорвало. Посерел, позеленел. Сначала тормозили. Громов терпеливо слушал, как бойца выворачивало наизнанку. Потом молча вышел, покурил и сам сел за руль.

– Сиденье разложи, – отдал он распоряжение, когда Серега в очередной раз вернулся, едва стоя на ногах.

Громов тоже был хорош. Выпил сегодня прилично. Дурь в голове гуляла знатно, а новые возможности и перспективы окрыляли. Петр постоянно возвращался к происшедшему событию, перебирая в памяти собственные ощущения. Эти два дня ещё знаменовались тем, что ему не позвонил разве что ленивый.

Слух о новом назначении распространялся молниеносно. Оно и понятно.

В сорок лет и генерал… Тем более ФСБ.

Громов не тешил себя напрасными иллюзиями. Не за красивые глазки и не за заслуги перед Отечеством он получил так рано заветную звезду на шевроны.

Дед – генерал… Да и тесть, которого язык не поворачивается назвать бывшим, тоже непростой человек в их системе.

Громов и сам по себе был весьма неплох. Но даже при всех его отличительных характеристиках дослужился бы максимум до полкана. На этом звании для простых смертных дорога вверх прикрывается.

Кривая ухмылка искривила суровые черты лица мужчины. Модельной внешностью новоиспеченный генерал никогда не отличался, шрамы пусть и украшали, но лучше на лице их все же не иметь. У Петра имелись две тонкие, едва различимые белые полоски – одна шла от нижней губы, вторая красовалась рядом с виском. Бабам, что в возрасте, его боевые отличия нравились. Девочек, что помладше, они смущали по первости. Потом и те входили в кураж, быстро соображая, кто перед ними.

Надо было всё-таки пригласить девочек к ним в баньку. Не хватило женской ласки Громову за эти дни. Водка водкой, разговоры разговорами. Но и потрахаться не помешало бы.

Против были мужики. Они у него женатые и почти не гуляют. Близкие друзья – так точно.

Поэтому Громов уже знал, что сделает, когда вернется в город.

– Ливень усиливается, – снова подал слабый голос Серега.

С погодой им не подфартило. Апрель в этом году выдавался дождливым, местами снежным. На прошлой неделе снег шел, а с этой зарядили дожди.

Сегодня – особенно сильный. Дворники работали, как бешеные. Хорошо, что на трассе минимум встречных машин. Свет от фар рассеивался, искажал восприятие.

– Ты как, боец?

– Держусь, товарищ генерал.

Петр снова усмехнулся. К хорошему быстро привыкаешь. Особенно, если хорошее у тебя с детства.

Очередной телефонный звонок не застал Громова врасплох. Не все ещё позвонили, не все поздравили. С довольной улыбкой он взял телефон с панели. Куда-то подевалась гарнитура, и он махнул рукой. Ему сегодня даже было влом на громкую переходить. Расслабился он конкретно.

– Генерал Громов? – проворковал женский голос с легкой хрипотцой, вызывающий у Петра определенные ассоциации. А именно он знал, как хорошо умеет работать обладательница этого голоса пухлыми от природы губами.

– Кто его беспокоит? – поддался он игре.

Вопрос, к кому ехать по приезду в город, отпал сам собой.

– Одна страждущая и одинокая девушка, мечтающая…

Петр не дослушал. Вернее голос Тони ещё продолжал звучать в динамике телефона, который он швырнул на панель, пытаясь уйти от лобового столкновения.

Он видел, что им навстречу едет фура. Её огни он давно приметил. Особо внимания не заострил – не она первая, не она последняя.

Небольшой поворот, в который они оба должны были вписаться и разъехаться без проблем, принес крупные неприятности. Что и у кого пошло не так – непонятно. Фура ли зацепила мокрую обочину или тормоза отказали – разбираться будут потом. Главное, что она вылетела на встречку.

Реакция у генерала сработала хорошо, он вывернул руль, задев дорожное ограждение.

– Пи*да машине, – выругался Громов, продолжая выправлять «гелик». Адреналин подскочил в крови до максимума. Где-то рядом испуганно выругался лейтенант.

Мокрая дорога сыграла и с ними злую шутку. «Гелик» занесло вправо, выкинуло на соседнюю полосу, где стояла припаркованная на обочине машина с очень слабыми габаритами.

Последняя мысль перед столкновением с ней у Петра была: какой идиот тормозит перед поворотом?!

От удара его кинуло вперед, он стиснул зубы и снова вывернул руль, стараясь удержать машину от падения. Бронированный «гелик» всей своей мощью влетел в стоящий на обочине автомобиль, смахивая того с дороги, точно пылинку.

Скрежет металла о металл, мат, стоны – всё перемешалось в одночасье.

Грудь Петра обожгло болью.

Внедорожник крутануло ещё раз, полностью развернув на дороге, после чего тот резко остановился, прекратив движение.

– Твою ж мать, – выдохнул Петр, приходя в себя и мгновенно оценивая ситуацию.

Хреновая она выходила… Чего уж тут…

– Живой? – спросил он, поворачиваясь к Сереге.

– Да… Да, товарищ генерал, – выдохнул парень, смотря на него ошалелыми глазами. – Это чё такое сейчас было?

– Не чёкай.

– Простите, товарищ генерал. А фура?.. Она что, уехала?

– А чего ей тормозить-то? – со злостью выдохнул Громов, уже зная, что найдет этого урода.

Спровоцировал аварию и скрылся! Не остановился, сука, чтобы посмотреть, что с ними случилось: не слетели ли они в кювет, не нуждаются ли в срочной медицинской помощи! Какое! Свою шкуру, падла, спасал!

Громов провел рукой по лицу, с удивлением отмечая, что пальцы коснулись чего-то влажного. Кровь. Лицом приложился о руль и не заметил?

Похеру…

Толкнул дверь ладонью, выбираясь на улицу.

Они с лейтенантом, считай, целы. Отделались испугом и парой синяков. Он, может, еще и трещиной в ребрах.

Что с другой машиной и её пассажирами – большой вопрос.

Холодные, резкие капли весеннего дождя хлестали нещадно, мгновенно проникая за шиворот куртки. Громов поежился, поднял ворот куртки и снова выругался.

Из-за дождя, туч, серости ни черта ничего невозможно было рассмотреть. Хорошо, фары «гелика» давали освещение, но опять же искаженное.

Громов пытался сориентироваться, прищурился. Рассмотреть что-либо было сложно. Поэтому он быстро направился к капоту, открыл его, достав дорожный рюкзак, в котором у него находился походный фонарь. Сердце в груди стучало усиленно, но не лихорадочно. Мужчина быстро приходил в себя. Давал о себе знать опыт, полученный в горячих точках, когда приходилось действовать решительно. Алкоголь усугублял восприятие, смазывал реакции, чем приводил Громова в тихую ярость. Трезвая башка ему сейчас точно не помешала бы.

Ладно, разберется…

Послышался слабый хлопок закрывающейся двери.

– Товарищ…

– Оставайся в машине, – рявкнул Петр на шатающегося Серегу, но парень упрямо покачал головой.

– Я с вами… Мало ли…

Громов сдержанно кивнул. Сейчас не до споров. Машину бы найти.

Грязь под ногами знатно мешала, Серега поскользнулся и упал на колено. Громов, включив фонарь, дошел до обочины. Посветил. Какого лешего у той машины не включены фары? Разбираться, что и как, было некогда. Когда Петр увидел перевернутую набок «Ладу», сразу начал спускаться. Лейтенант упрямо следовал за ним.

В поле ещё сохранились снежные участки с прозрачным льдом, покрытым слоем расхлябанной грязи. На них уже поскользнулся Громов, благо удержался. Машину знатно кувыркнуло, оставалось надеяться, что люди, находящиеся в ней, пострадали несильно. В душе снова поднималась ярость. Надо быть полным дебилом, чтобы при минимальной видимости и проливном дожде остановиться перед поворотом! Мало машин заносило! И что теперь?!

Громову хотелось тряхнуть водителя за грудки, если тот, конечно, будет жив… Должен! Столкновение не было критичным! По крайней мере, хотелось в это верить.

Он подбежал к машине и осветил её всю. Возгорания быть не должно. Но опять мало ли. Поэтому действовать надо быстро. Петр посветил повторно, направив луч к водительскому сиденью. Пусто.

В груди у новоиспеченного генерала кольнуло. Может, пронесло, и машина пустовала? Мало ли куда запропастились хозяева. Машину могли и кинуть, тогда понятно, почему она стояла хрен пойми где.

– Товарищ генерал, тут они…

Голос Сереги быстро обломал.

– Видишь кого?

– Женщину – точно, дальше не могу рассмотреть.

– Дверь дергай.

– Сейчас.

Пока Громов обходил знатно помятую «Ладу», Сергей умудрился со стонами и матом распахнуть покореженную дверь. На самом деле им всем повезло. Если бы машину перевернуло на крышу, было бы намного хуже. Тут оставался шанс, что они вытащат пострадавших. Сейчас главное убедиться, что никто сильно не пострадал.

И все живы.

Громов сильнее сжал зубы. Только трупов ему не хватало сейчас…

Конечно, все решаемо. Это понятно.

Но не хотелось бы.

Дверь открыли.

– Девушка.

– Вижу.

На заднем диване спиной к ним, завалившись, лежала девушка. Светлые волосы свисали на пол.

Глухой стон известил о том, что она живая.

– Так, лейтенант, свети, я постараюсь её достать.

Громов поставил ногу на днище, просунул голову внутрь, мазнул взглядом по салону, прикидывая, как лучше взять девушку на руки, чтобы не навредить ей сильнее. Не исключено, что она переломана… Удар всё-таки сильным был.

Девушка явно не была пристегнута.

Черт, что она делала на заднем сиденье? Спала?

Злость ещё сильнее колыхнулась в груди Громова. Он ненавидел женскую глупость и излишнее самомнение. «Я сама… я могу». Что, млять, вы все там можете, а? Он был шовинистом и не скрывал своих взглядов. Когда девушка заявляла о своей самостоятельности, Петр иронично кривил губы и спрашивал: что она будет делать, когда попадет в аварию, когда на неё наедут дэпээсники, или когда ночью к ней в квартиру залезет незнакомец в балаклаве? Сначала все гордо вскидывали подбородки кверху и начинали пылить: то сделаю, это. Через три-четыре минуты на последующие вопросы сдувались. Говорили тише, в голосе сквозила неуверенность. Многие пытались дальнейшее перевести в шутку.

Скорее всего, у этой блондинистой дамочки заглохла машина. Или затарахтела, и она свернула на обочину. Эта причина ещё была немного адекватной, а остальные…

И опять же! Машина старая – по салону понятно. Куда поперлась девица из города на ночь глядя? Наверняка ещё и машину не осмотрела!

Зла не хватает.

– Петр Михайлович, что там? Живая?

– И, кажется, целая, – недружелюбно огрызнулся Петр, беря девушку за талию.

Потянул её на себя, переворачивая, и в этот момент салон оглушил детский плач.

Глава 2

– Это что… ребенок? Да? Ребенок?

Панические нотки Сереги подбавили жара в огонь.

Громов и сам понял, что плач принадлежит не просто ребенку! А младенцу…

Проклятье!

Волны раздражения, злости и ещё чего-то абсолютно дикого захлестнули мужчину! Активировались древние глубинные инстинкты, которые заставляли каждого взрослого человека чувствовать ответственность перед потомством, перед маленькими, беспомощными людьми, чьи жизни напрямую зависят от тебя. Петра заколотило, алкоголь стремительно начал испаряться из крови.

Детей генерал любил. Всегда относился к ним с теплотой и внимательностью, точно зная, что однажды по его большому дому будут бегать несколько пар маленьких ножек.

Внутри скрутило с новой силой, в висках жестко запульсировало.

– Серега! Сука, давай сюда свети!

Громов перевернул девушку набок, та снова слабо застонала. Как вариант, приходит в себя. Петр отметил это мимолетом. Он полностью сосредоточился на том, чтобы найти ребенка.

Перевернутое детское кресло обнаружилось на полу. Мужчина развернулся таким образом, что в мажущих мглой ливневых сумерках и в темноте салона его нельзя было сразу увидеть. С бешено колотящимся сердцем Петр поднял кресло, молясь, чтобы ребенок был хотя бы пристегнут. Если же так не случится и малец окажется поломанным, Громов сам поломает мамашу-дуру!

– Петр Михайлович, что там…

Громов, взяв кресло в руки, с облегчением заметил, что ребенок всё же пристегнут.

Маленький…

Черт, сколько ему? Год? Полтора?

Малыш кричал то ли от боли, то ли от испуга.

Громов осторожно подался назад, полностью сконцентрировавшись на ребенке.

– Так, Серег, держи ребенка и дуй в «гелик».

– А вы?

– Выполнять!

Нечего ребенку находиться под дождем… Они не смогут ему оказать помощь, надо вытаскивать мать и направляться в больницу.

– Фонарь оставить?

– Телефоном посвечу, – огрызнулся Громов, снова забираясь в машину.

Теперь он знал, где и кто находится. Оставалось надеяться, что больше сюрпризов не предвидится.

С девушкой Громов особо не церемонился. Злость на случившееся с каждой проходящей секундой усиливалась в геометрической прогрессии. Жива мамаша и ладно! Потом будем разбираться.

А то, что они будут разбираться, – уже не вызывало сомнений.

Глухой стон в очередной раз сорвался с губ девушки, когда Громов потянул её на себя, вызволяя из перевернутого автомобиля. С девушкой на руках выбираться сложнее, задачу отягощали грязь и слякоть. Громов поскользнулся, зачерпнув мокасинами жижу. Но на ногах устоял, зацепившись за дверь автомобиля.

– Давай-ка ко мне.

Девушку он тоже вытянул. Дождь как назло усилился. Оказавшись незащищенной от холодных капель, она жадно хапнула воздуха и открыла глаза.

Чтобы через секунду забиться у него в руках.

Громов не акцентировал на ней внимания. Не до нее и её внешности. Его, по сути, мало волновало, кто она такая и как выглядит. Зацепил взглядом длинные растрепавшиеся белые волосы и ещё отметил, что девушка наделена пышными формами. Пока вынимал её из машины, успел прижать к себе. Да и рука невольно скользнула по тяжелой груди, не меньше третьего размера. А то и полноценный четвертый.

Петр привык выхватывать детали разом. Отметил и крутые бедра. Не особо высокая… Он поставил девушку на ноги.

– Эй! Пришла в себя? Ну-ка, давай, посмотри на меня.

Донести её на руках до «гелика» можно было. Вроде бы не тяжелая.

Но чертова слякоть… Не факт, что Громов не растянется в ней вместе с ношей и не придавит собственным весом.

Удивительно, от мысли, что он окажется на данной девушке, по телу мужчины, вопреки здравому смыслу, прошлась горячая волна. Скорее всего, сказались недавние мысли о сексе.

То, что перед генералом стояла девушка, а не взрослая женщина, Громов убедился, даже несмотря на тусклое, почти отсутствующее освещение. Луна всё-таки вышла из-за туч, светила блекло. Радовало, что появилось хотя бы минимальное освещение.

– Саша… – выдохнула девушка, с трудом разлипая разбитые губы. Она была полностью дезориентирована, это и понятно. Петру не требовалось всматриваться в её лицо, чтобы увидеть расфокусированные глаза.

Но почему-то хотелось…

Здесь и сейчас. В поле, под весенним, яростно хлещущим по открытым участкам тел дождем, происходило нечто странное. Настолько неприсущее Громову, что тот на несколько бесконечно долгих секунд потерялся. То ли эйфория после назначения притупила восприятие, то ли адреналин, что бурлил в крови, отступил, и пришло некое оцепенение. Пусть и длящееся нет ничего, но Громов его словил.

Он по-прежнему держал блондинку за талию и плечо, опасаясь, что она осядет на землю. Держал и чувствовал мягкость её тела. Его притупленного алкоголем обоняния коснулись цветочные духи. Легкие, едва ощутимые. Было и ещё что-то манящее, дурманящее именно инстинкты, не рецепторы даже. Эти ощущения были настолько непривычны, новы, что Громов на доли секунды растерялся.

Потом грязно выругался.

– Живая? – вопрос вышел грубоватым. На нежность Громов и не нацеливался.

– Саша… Моя девочка…

К блондинке медленно возвращалась реальность. Петр видел, как распахиваются её глаза, как в них появляется осмысленность. По лбу стекали капли.

Но Петр все видел и замечал…

И тут она рванула в его руках. Развернулась, подалась всем корпусом вперед, намереваясь залезть в машину.

– Да стой ты! – снова недружелюбно рыкнул Громов.

– Пустите! Там Саша…

– Мы забрали ребенка! Посмотри на меня! Да куда ты! – крутанул её на себя. Чем-чем, а выдержкой в отношении женских истерик Петр не обладал. Его подбешивала неспособность некоторых быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства. Что говорить о необоснованных истериках на пустом месте.

Громов снова не церемонился. Чем быстрее блондинка придет в себя, тем будет лучше.

К чему он не оказался готов – успел расслабиться за прошедшую минуту, так это к вскрику девушки. Острый и громкий. Так кричат от боли.

Громов это точно знал.

– Заб…рали, – непонимающе выдохнула незнакомка, интуитивно прижимая к груди правую руку.

Петр нахмурился.

К черту…

– Так, слушай сюда ещё раз. Ты слетела с трассы. С твоим ребенком все в порядке. Мой человек отнес его в машину. Сейчас и мы туда пойдем. Идти самостоятельно можешь? Что у тебя с рукой?

– Болит, – ответила она на автомате, продолжая находиться в шоковом состоянии. Потом поморщилась и совсем жалобно добавила: – Сильно.

– В машине посмотрим. На ногах твердо стоишь?

По факту Громову надо было её отпустить. По крайней мере, руку с талии убрать – точно. Но пальцы сжались сильнее, словно сработал некий инстинкт, присущий мужчинам – не отдавать то, что попало в руки. И что пришлось по вкусу.

У Громова этот инстинкт был развит до совершенства.

– Да, кажется, смогу… Господи, точно… Авария…

Голос незнакомки задрожал, она жалобно всхлипнула.

Нет, стопудово девчонка… Совсем мелкая…

– Тогда пошли, – Громов осторожно отпустил девушку, встав сбоку, чтобы подстраховать, если она начнет падать.

Блондинка не сдвинулась с места, ещё раз всхлипнув, чем вызвала новую волну гнева у Петра. Какого лешего они стоят под дождем и жуют сопли? Им ещё до «гелика» добираться и вскарабкиваться по склону, пусть и небольшому.

– Моя машина…

– Эвакуатор вызову, – жестко бросил Громов и подтолкнул девушку вперед.

– Нет, вы не понимаете. Эта машина… – она громко сглотнула, упорно сопротивляясь здравому смыслу. – И документы… Я…

– Ты хочешь отвезти дочь в больницу или так и будешь тут стоять и жалобно стонать?

Ему надоело с ней возиться. При необходимости он сядет в свой внедорожник и уедет. Угрызениями совести мучиться точно не будет. Когда человек сам создает себе проблемы, зачем мешать?

Девушка втянула голову в плечи и задрожала. Громов стоял достаточно близко, чтобы почувствовать, как её забила крупная дрожь, то ли от холода, то ли от осознания происходящего.

– Сумку… Там документы. И детскую тоже… Пожалуйста… Можно?

– Сейчас найду.

Включив фонарь на телефоне, Петр снова нырнул в машину. Да что же такое! Когда они уже окажутся в тепле его внедорожника?

Незнакомке с манящим запахом повезло – её вещи он нашел быстро. Не увидел бы сразу – плюнул бы. Дамская сумочка и небольшая дорожная. Петр распахнул дорожную и запихнул в неё дамскую. Потом будут разбираться, кто есть кто.

Девушка стояла, уперевшись рукой в машину. Вторую она прижимала к себе. А вот это нехорошо, мог быть и перелом.

– Пошли.

Петр обошел незнакомку со стороны здоровой руки, взял её за локоть, закинув сумку на плечо.

Блондинка молчала. Больше ничего не говорила. Шла рядом с ним, стараясь не отставать, за что он мысленно её похвалил. В целом Петр отделался малыми «жертвами». Он держался рядом с девушкой. Мало ли. Ему не нравилось то, в каком состоянии она находится. На лице Громов успел рассмотреть несколько ссадин, губы оказались тоже разбиты.

Дождь поутих, зато поднялся ветер. Дул он прямо в лицо, создавая дополнительные неприятные ощущения.

Девушка стойко преодолела расстояние до склона, даже умудрившись ни разу не споткнуться. Шла, упрямо переставляя ноги. Петр то и дело поглядывал на неё. Она была ниже его на голову точно. Куртку так и не застегнула, свела пальцами полы и кое-как держала.

У склона блондинка остановилась и шумно вздохнула.

– Я не поднимусь.

Удивительно дело, но в её голосе не осталось и намёка на истеричные нотки. Четкая констатация факта.

– Я помогу.

– Саша… там? – она указала подбородком наверх, туда, где виднелись очертания внедорожника.

Сергей включил дальний свет. Правильно сделал – не хватало ещё, чтобы и их бортанули.

– Да.

– Господи, – выдохнула девушка и сделала шаг вперед. Нога в коротком ботинке тотчас поехала вниз.

Помимо куртки и ботинок на незнакомке было черное платье ниже колен. В такую погоду только в платье щеголять! Особенно, собираясь в дальний путь на старой машине и с маленьким ребенком. Петр оценивающе прошелся взглядом по спине девушки и невольно остановился на широких бедрах.

А талия-то тонкая…

Правильно говорят, мужики в любой ситуации остаются мужиками, и даже сейчас Громов оценивал незнакомку и с мужской позиции. Более того, в нем, помимо раздражения, которое никуда не делось и продолжало плескаться в груди, росла потребность рассмотреть блондинку более дотошно. Умыть, причесать и взглянуть на неё… голую.

Н-да… Громов, ты точно не приложился головой о руль?

Он встал за спиной девушки. При других обстоятельствах, не задумываясь, обхватил бы пятерней её ягодицы и подтолкнул бы кверху.

Сегодня всё же обойтись придется.

– Руку давай.

– Болит…

– Здоровую давай! – раздраженно бросил Петр. И, не дожидаясь её реакции, сам взял за ладонь и потянул за собой.

Ладонь у незнакомки оказалась узкой, мягкой и холодной. Успела девочка замерзнуть.

Плач они услышали, ступая на обочину дороги. Девушка сразу же дернулась вперед и, уже не обращая ни на что внимания, устремилась к машине.

Громов тоже последовал за ней. И так промок до трусов.

Открыв багажник, кинул туда дорожную сумку и забрался за руль. Серега, который, видимо, всё это время сидел с ребенком на заднем диване, тоже пересел.

– Петр Михайлович, и что…

– Помолчи, лейтенант.

Голова и так того и гляди взорвется.

Петр Громов посмотрел в зеркало заднего вида. Картина, которую он увидел, задела его. Неосознанно и слишком глубоко. Глубже, чем он хотел бы. Происходящее воспринималось им искаженно, острее, чем следовало.

Да, произошел неприятный инцидент, который ему ещё предстоит разгребать. Сейчас блондиночка очнется от шока и начнет задавать вопросы. Про аварию. Это логично и ожидаемо. Громов разберется без проблем. И не такие вопросы решал.

Его торкнуло от другого.

Незнакомка, продолжая редко всхлипывать, прижала левой рукой к груди дочку. Второй попыталась, но жалобно вскрикнула и тотчас заглушила этот вскрик, прижав губы к лобику малышки. Та, оказавшись у матери, сразу успокоилась, что тоже немало удивило Громова. Словно по щелчку выключили звук. Маленькие ручки хаотично начали ощупывать родного человека, залезли под куртку и так же собственнически прошлись по груди матери. Потом сграбастали платье девушки тонкими, малюсенькими пальчиками. Вцепились намертво. Не оторвешь. Девчушка громко икнула и положила белокурую головку на грудь мамы. Прижалась. Успокоилась.

Мама рядом… Тут. Защитит и укроет от всех бед.

Громов, сам того не замечая, напрягся и продолжил изучать нечаянных попутчиков.

Девушка, убедившись, что с её ребенком всё нормально, прикрыла глаза и без сил откинула голову на кожаный подголовник, не замечая, как по лицу бегут слезы.

Глава 3

– Куда вы нас везете?

Незнакомка подала голос через пятнадцать минут.

Громов засек время.

– В госпиталь.

Разговаривать и что-либо объяснять не хотелось. Лейтенант тоже притих. Порывался снова сесть за руль, но ему хватило одного взгляда Громова, чтобы надолго закрыть рот. В отличие от девушки, Серега за годы, что служил рядом с генералом, хорошо выучил начальство. И знал: сейчас его лишний раз лучше не трогать. Взорвется – мало не покажется никому.

Девушка не знала.

Она убаюкивала ребенка, что-то периодически нашептывая ему. Громов не мог слышать. Не желал. Ему достаточно было того, что происходило.

– А машина… Надо вызвать дэпээсников, – снова раздалось с заднего сиденья.

– Зачем?

– Вы знаете, – голос девушки дрогнул, – зачем.

Вот лучше бы она молчала, не продолжала.

Нет же, не терпится уточнить. Для чего? Чтобы услышать нелицеприятные последствия происшедшего?

– Поговорим после того, как вас осмотрят, – жестко бросил он, давая понять, что лучше разговор не продолжать.

Громов крепче сжал руль. До госпиталя ехать не меньше часа. Петр уже позвонил и предупредил, что они приедут. Их ждут.

Он старался придерживаться скоростного режима. Хватит с них…

– Как тебя зовут? – обратился Петр. Ему надоело мысленно называть её незнакомкой и блондинкой.

Хотелось знать имя.

– Ольга.

Оля, значит. Петр вдавил на педаль и, лишь заметив, как стрелка на спидометре стремительно устремилась к двумстам, сбавил скорость.

Интересная картина нарисовывалась. Зачастую он не то, что не интересовался именем девушки, с которой проводил вечер. Ему говорили, но Петр не удосуживался запомнить. Ему было откровенно наплевать. За последние годы Громов не помнил случая, чтобы девушка настолько его заинтересовала, что смогла пробить холостяцкую броню, которая ему пришлась по душе.

Женщин он любил. Это и понятно. Какой здоровый мужик не любит женских тел? Мягких, упругих, доступных. Льнущих к нему в жажде ответных ласк. Готовых дарить не менее страстные прикосновения. Эта любовь заложена у них на генетическом уровне. Громов не был исключением.

Он всегда умел расставлять приоритеты. Женщины на первом месте никогда не были.

Даже Надя.

Надю он знал с детства. Она всегда была рядом, сколько он себя помнил. Малявка, которая крутилась постоянно под ногами. Дочка полковника. Чем не повод обратить на неё внимание в двадцать пять лет, когда после очередного наставления от деда Петр всерьез задумался о женитьбе?

Он никого не любил из девочек. Увлекался, бывало. Но чтобы жениться… Нет.

Надя его любила. Она призналась ему в восемнадцать лет. Приехала к нему в гарнизон, сняла гостиницу, пригласила на свидание и разделась.

– Буду только твоей, – сказала она, смело глядя ему в глаза.

Петр оценил её порыв. И женился.

Сам он был тем ещё ходоком, перепробовал многих, но жениться предпочел всё-таки на чистой девочке.

Надя умерла пять лет назад.

Из-за сраного упрямства, которого он не мог понять и которому так и не дал оправдания. Громов мог её спасти. И она, и он это знали.

И всё же Надя не позвонила… Не сказала ему.

Петр принял смерть жены, как необходимую данность. Год держал официальный траур. Хрен кто мог ему бросить в лицо, что он мудак, начал гулять, пока тело жены не остыло. Громов никому не дал такого повода. Доброжелателей у него уже к тому моменту времени имелось с избытком, и очень многие обрадовались бы, оступись он. И тестю донесли бы.

По шлюхам ходил. Покупал, пользовал. Забывал. Это нормально, и в их среде не порицалось. Главное, чтобы соблюдались приличия и не пошло дальше.

После года спрос с него уменьшился.

Даже генерала получил, не будучи женатым. Правда, тот же Вадим Дмитриевич намекнул, что хорош, пора.

Громов, добродушно усмехнувшись, пообещал подумать на досуге. Тесть – неплохой мужик, но больше на него влияния не имел. Перерос Громов его. Основательно так.

Женщины всегда были рядом с Петром. Кружились, знакомились, пытались войти в круг его личных интересов. На горизонте маячили и свахи. К нему приходили с предложениями, многие хотели породниться с ним.

Петр для себя решил: получит генерала и всерьез займется вопросом. Семья ему нужна. Он деток хотел…

Звезду получил.

Громов нахмурился сильнее и в очередной раз посмотрел в зеркало заднего вида.

Ольга снова сидела с закрытыми глазами, прижимая левой рукой дочку. Та, кажется, уснула. По крайней мере, Петр на это надеялся. Надо бы проверить… Мало ли. Может, малышка сознание потеряла. Та, словно интуитивно поняв, что смотрят на неё, заворочилась и громко пискнула. Ольга сразу встрепенулась и зашептала:

– Тихо… Тихо… Ну что ты… Спи, роднульник… Пожалуйста, спи…

Громов считал слова по припухшим и разбитым губам девушки. Интересно, та хотя бы в курсе, что у неё с лицом? Припечаталась, видимо, в находящееся впереди сиденье.

И пряди мокрые не убрала со лба и скул. Они вызывали у Петра раздражение, он поймал себя на мысли, что хочет рассмотреть лицо девушки.

Значит… Оля. Наваждение какое-то. Хотя нет, при чем тут наваждение и прочая романтическая ерунда? Где он и где романтика? Ещё, может, припомнить любовь с первого взгляда? Одержимость? Громов всё же немного подбавил газу.

Скорее, алкоголь всему виной. Чувства вины тоже не было. Подобной ерундой Громов давно перестал страдать, да и страдал ли – хороший вопрос. Сбил их и

сбил. Разберется.

Но он словил кайф от того, как держал её тело в своих руках.

Этого достаточно.

Кстати, Оля не спросила, как зовут его. Неинтересно, получается? Что-то неприятное прошлось по грудине мужчины, точно по ней ржавым, тупым крюком провели. Давненько его не игнорировали. Громову это не понравилось. Рассчитывать на то, что пострадавшая девушка будет ему строить глазки – глупо.

И между тем…

Инстинкты заявляли ему совсем другое.

* * *

Их встречали.

Лейтенант отзвонился от имени Громова и сообщил, что они подъезжают.

Медбратья мялись на крыльце, кутаясь в накинутые поверху куртки. За стеклянными дверьми виднелась каталка, которую они готовились выкатить по первому сигналу.

Знакомый хирург, по совместительству главврач госпиталя, стоял в стороне от крыльца и курил. Увидев тормозящий едва ли не у крыльца «гелик», от души выругался.

Петр умел читать по губам. Ему не составило труда расшифровать всё, что думает про него Григорий Маркович Одуров.

Ничего… Он про себя и не такое слышал.

Заглушив двигатель, Громов повернулся к Ольге. Та настороженно смотрела на него.

– Выходим. Хотя, подожди. Ребенка приму.

Не дав ей возможности ответить, Громов спрыгнул на землю, вскинув руку в знак приветствия:

– Григорий Маркович, давно не виделись!

– Разве, Громов?

Одуров его латал. И не только его. Парней, близких ему, – тоже. Лучший военный хирург, которого пытались перетянуть многие частные клиники города. Пока Одуров держался. Не только из-за патриотизма и любви к военным. Хотя, надо отдать должное, Григорию Марковичу и эти свойства были присущи. Госпиталь, который он возглавлял, финансирование получал не только из бюджета. Частные военные компании оказывали регулярное спонсорство. И не только они.

Генерал тоже подкидывал деньжат. И точно знал, что его примут в любое время дня и ночи.

А главное, напишут то, что надо. И кому надо.

– Конечно, Григорий Маркович, – оскалился Громов.

– Я бы твою ха… Я бы тебя ещё с удовольствием месяца два не видел, Петр Михайлович.

Одуров подошел к нему, они пожали руки.

– Что у тебя? – перешел к делу хирург, оглядывая его критическим взглядом и сразу подмечая все ссадины.

– Женщина с ребенком…

Петр кивнул в сторону заднего сиденья. Григорий вскинул кверху брови.

– Ну давай, посмотрим.

Петр открыл дверцу и заглянул в салон. Ольга по-прежнему сидела, прижимая к себе спящую дочку. В глаза мужчине бросилась напряженная поза. Сейчас Оля напоминала ему женщину, готовую драться за своего ребенка. Исходящее от неё напряжение чувствовалось на расстоянии. Петр недобро усмехнулся про себя.

Значит, вот как ты его воспринимаешь, Оля…

Ой, зря.

Честно.

Им двигали даже не эмоции – голимые инстинкты, отточенные за годы службы.

Громов подался вперед, не замечая, как верхняя губа дернулась кверху. В какой-то момент мужчина полностью растворился в ситуации, попав в коллапс собственных эмоций.

– Оля-я, – хрипло протянул Громов, всматриваясь в девушку. Сейчас, когда поутихли страсти, он мог бы её воспринимать более адекватно. Тогда какого хера не получалось?

– Ч…что? – выдохнула та, продолжая не двигаться.

– Мы приехали. Чего сидим, кого ждем? Давай, выходи.

Девушка быстро мотнула головой.

– Нет.

– Это что ещё за фокусы? – недобро уточнил генерал.

– Отвезите меня в обычную больницу. Мне надо…

– Ты головой ударилась? – сорвался Громов, не повышая голоса. – Ты о чем сейчас думаешь? Включайся, давай! Потом, – он сделал давящую демонстративную паузу, – поговорим. Если тебе насрать на себя, то никто тебя ни обследовать, ни трогать не будет. Как я посмотрю, ты девочка взрослая, сама несешь ответственность за свою задницу! А ребенка врачи посмотрят, хочешь ты того или нет.

Его грубость возымела нужный эффект. Оля открыла рот, чтобы возмутиться, но, видимо, слов не нашлось, и протяжно выдохнула.

А Громов, как прыщавый подросток, дрочащий на порно в ютубе, уставился на очертания её крупного рта. Он готов был поклясться, что губы у блондинки не накачены всякой дрянью, что их припухлость природная. Как вариант – они пострадали от удара.

Хотя… сомнительно.

Петр задержал взгляд на её губах.

Красивые, зараза. Провести бы по ним пальцами… и не только ими.

Член снова призывно дернулся в штанах, вызывая ещё большее раздражение у Петра.

– Без согласия матери над ребенком не имеют…

Она не договорила, потому что Петр оказался в салоне в опасной близости от неё. Девушка явно не рассчитывала, что ей придется вступать с ним в конфликт. Он – тоже.

– Да неужели? – ядовито поинтересовался Громов, снова ловя себя на мысли, что ему нравится чувствовать её рядом с собой. Их бедра почти соприкасались. – Будем спорить, или всё-таки головой начнешь думать?

Ольга задышала чаще, глубже.

– Вы… Ты…

– Петр Михайлович, ты там долго будешь реверансы разводить и нас морозить под дождем? Или всё же соизволите выйти и показаться трудовому народу? – Одуров сунулся в салон вслед за Громовым. – О-о, голубушка, и чего сидим? Кого ждем? А ребенок малец, что ли, совсем? Громов, мамаша, вы в шоке или что, я не пойму? Какого расселись? Живо, мля, на выход!

Одуров, работая с соответствующим контингентом, научился и разговаривать соответствующе.

– Ребенка передали аккуратно мне! – снова гаркнул он. – А сами можете и дальше тут разбираться!

– Ольга…

Громов попытался забрать Сашу у девушки. Та упрямо попыталась её удержать, в ходе небольшой борьбы мужчина задел больную руку. Ольга вскрикнула, чем снова вызвала отборную матерную реакцию врача.

– Совсем охренели мне тут… Или вы выходите все через минуту или пеняйте на себя!

– Слышала? Вперед! – поддел Громов Ольгу и, перегнувшись через неё, открыл дверь с её стороны. – Выходи!

На этот раз девушка послушалась.

А Громов постарался не заметить, как она вжалась в сиденье, когда его тело оказалось слишком близко к её.

Глава 4

– Петр Михайлович…

– Езжай домой, Сереж.

– А вы…

– Езжай.

Петр продолжал изучать паспорт Ольги.

Интересные дела вырисовываются.

С другой стороны, чему он удивляется?

Нормальная ситуация, и не только по сегодняшним временам.

Мать-одиночка, значит.

Но фотка мужика с ребенком в том же паспорте имелась.

Темноволосый, крепкий парень лет тридцати, с модной бородкой. Лощеный. В белой футболке и таких же белых брюках. Какой идиот будет носить белые вещи, когда в доме маленький ребенок? Или для фотосессии пододел?

В графе отец – ни слова.

И Ольга Николаевна Царева носила ту же фамилию, что и у Александры в свидетельстве о рождении. Оба документа Петр успел просмотреть.

Красивая фамилия у девчонок.

Он ещё некоторое время повертел паспорт Ольги в руках.

Не замужем…

Но мужик есть.

Или был?

Отпустил её на ночь глядя в непогоду. Да ещё и с ребенком.

Документы опять же с собой у неё были. Понятное дело, паспорт. А свидетельство о рождении зачем с собой таскать?

Это первое.

Второе. Его интерес присутствует?

Кажется, да.

Тогда третий вопрос – какой?

Чисто сексуальный?

А вот хрен знает.

Громов не верил, что эта Ольга, мать её Николаевна, его цепанула. Чтобы с первого взгляда. Да и взгляда как такового не было. Петр провел рукой по лицу, смахивая усталость прошедших часов и пьянку прошедших дней. Погуляли, отметили, ничего не скажешь. Занятно получилось.

По-хорошему, ему бы выспаться. Или хотя бы вздремнуть пару часов. Уже потом разбираться что к чему.

Он бы так и сделал, если бы не взгляд Оли, которым она окинула Громова, когда её вместе с ребенком уводили по коридору.

Обернулась, сдерживая подступившую к горлу истерику.

Громов стоял неподалеку. Рядом с ним уже суетилась подоспевшая симпатичная медсестра. Кажется, Нина. Она неплохо «обслужила» его в прошлый раз. Было дело… Он переодевался после обследования, она вошла в палату, заперла дверь, прислонившись к ней спиной. Дальше по вполне заезженному сценарию,

через который Петр проходил не раз. Что-то сказала, подошла к нему, он опустил руку ей на плечо. Она же опустилась на колени, достала из его штанов член и сделала неплохой минет.

Почему он её запомнил в череде безликих женских лиц за последний год? Нина безболезненно делала капельницы. А это дорогого стоит!

К нему она едва ли не подбежала, вызвав недоумение.

Игнорируя приветливую улыбку медсестры, он смотрел вслед уходящей Ольги.

Тогда-то она и обернулась.

С широко распахнутыми глазами, где застыла тревога и страх. По-прежнему дезориентированная, перепачканная грязью и кровью, она нашла взглядом Громова. Петр разное повидал на своем веку. От женщин в том числе. Его семейная жизнь тоже не всегда шла, как по маслу.

Девушки любили его. Проклинали. Ненавидели. Пытались манипулировать. Всё, как у всех. Смотрели на него по-разному. Ему, по большому счету, было всё равно.

Ольгин взгляд зацепил. Настороженность и ещё что-то, что он не смог рассмотреть, застыли в глазах блондиночки. До девочки окончательно дошло, что произошло на трассе. Кто виновник того, что она и ее дочка сейчас находятся в больнице.

– Может, кофе?

Петр обернулся на голос. Рядом стояла незнакомая медсестричка. Ещё одна…

– Я знаю, где стоит автомат.

– Я могу…

– Не надо.

Громов посмотрел на часы – презент тестя – и направился в сторону кабинета Одурова. Тот выгнал Петра час назад, сказав, что ещё ничего не ясно. Пригрозил вовсе свалить домой, если тот будет надоедать ему.

Естественно, никуда Одуров уезжать не собирался. После тяжелого дня и суетной ночи минутка тишины необходима.

Петр постучал и, не дожидаясь ответа, вошёл. Григорий разговаривал по телефону.

– Буду утром. Точно. Не ворчи, а? Да, я всё помню. Жди.

Недовольно нажав на «отбой», главврач повернулся к вошедшему мужчине.

– Час ещё не прошел.

– Ты засекал?

– А то. С тобой только так, Петр Михайлович. Кстати, прими мои поздравления. Я, наверное, в числе последних поздравляю?

Генерал отмахнулся. Не до поздравлений сейчас. Он свой телефон поставил на беззвучный режим. Не хотелось никого слышать. Если кому-то срочно понадобится Громов, его найдут и без телефона. К тому же осведомленные люди понимали, что новоиспеченный генерал гуляет и лучше того не тревожить по пустякам несколько дней. Самое интересное начнется потом.

Петр, бывавший не раз в кабинете Одурова, прошел и тяжело опустился в кожаное кресло. В голове гудело от недосыпа и прошедшей гулянки.

– Нормально все, Маркович. Говори, что с моими дамами.

– Уже и твоими, Петя? Быстро, – оскалился Одуров, тяжело и устало вздыхая. – Может, по рюмашке? Замотался.

– Давай.

Одурову отказывать не стал. За руль Петр точно ближайшие часы не сядет, а там и протрезвеет.

Главврач поднялся, прошел к бару, открыл дверцу и достал пузатую початую бутылку с двумя рюмками.

– У Ольги ничего критичного. Ты и сам видел. Легкое сотрясение, пара синяков. Губа разбита. Мелочь, короче. Самая серьезная травма – перелом правой руки.

– Всё-таки перелом? – поморщился Громов.

– Угу.

Поставив рюмки на стол, Григорий разлил янтарную жидкость. Молчание хирурга не нравилось Громову. Что-то он не договаривает.

– Паузу нехорошую делаешь, Маркович.

– Давай сначала выпьем.

– Александра не пострадала? Ничего не сломала? Внутреннее кровотечение? – пытливо спрашивал мужчина, искренне переживая за маленькую девочку. Ему снова вспомнилось, как она хаотично и требовательно ощупывала грудь матери, устраиваясь поудобнее и затихая.

Одуров приподнял рюмку и без слов выпил. Даже не поморщился. Петр один в один повторил его движения. Горькая настойка обожгла горло, затем последовало приятное тепло.

– Значит так, Петр Михайлович, – хмуря брови, сказал Григорий, снова открывая бутылку. – Делать поспешных выводов я не буду. Но Александру обследовать тщательнее стоит.

* * *

По распоряжению Громова для Ольги и Саши выделили палату «матери и ребенка». Такая имелась и в военном госпитале. Петр не хотел знать, как она числилась у них на балансе. Да и забивать лишней информацией голову не собирался.

Он всё-таки съездил домой, принял душ, переоделся. Бриться не стал. Отзвонился в штаб.

К госпиталю Громов подъехал без пятнадцати девять. Одуров как раз выезжал со стоянки. Мужчины коротко кивнули друг другу. Прошло несколько часов, как они виделись в последний раз.

– Все необходимые бумаги я подготовил, – сказал Григорий, опуская стекло.

– Спасибо. С меня причитается.

– Естественно, – усмехнулся главврач, устало потирая глаза. – Иметь в должниках самого генерала – заманчивая перспектива.

– Да пошел ты, – беззлобно заметил Петр, проезжая дальше.

Задерживаться он нигде не стал, сразу прошел по коридору, поднялся на третий этаж и направился к палате, где, по его мнению, должны были отдыхать Оля с дочкой.

Постучать Петр и не подумал. Ребенок может спать, какой нахер постучать? На самом деле причина была в другом. Отвык он стучать, заходя к девушкам в комнату. Пусть в данном случае она и выступала в качестве больничной палаты.

Постучать всё-таки стоило.

Честно…

Петр вошел и остановился, не понимая в первые секунды, как реагировать на представшую перед ним картину. У Громова возникло ощущение, что он со всей дури врезался в прозрачную стену. Или, что ещё лучше, грохнулся с армейского «бревна» на полосе препятствий. Не больно, зато адреналин в крови колошматит

до мушек в глазах. Больше злость берет, что лоханулся на самом легком, уже давно отточенном и привычном препятствии.

Петр остановился, нахмурившись и впиваясь жадно в картину, которую увидел.

Оля не спала. Она полусидела, опираясь спиной на подложенные под поясницу подушки. Натренированный взгляд Громова выцепил сразу все нюансы. Белые волосы расчесаны на прямой пробор, передние пряди убраны за уши. Лицо без единого грамма косметики. Бледное. Под глазами легкая синева. На скуле несколько царапин. Губы Петр не видел…

Вернее, не смог рассмотреть – Оля сидела с опущенной головой.

Потому что здоровой рукой держала Сашу.

Которая припала к материнской груди и активно работала ротиком.

От вида грудного кормления генерал и подвис…

Сколько он за свою жизнь видел голых женских грудей? До хера и больше. И в обычной жизни, и на войне. Его пытались соблазнить, когда он был женат. Не раз. Пытались подложить, подловить, спровоцировать. Чего только не было. Когда он стал холостяком, то пустился в законные загулы.

В условиях войны насмотрелся на всякое непотребство.

Поэтому женской грудью его не удивишь. Ни большой, ни маленькой, ни плоской, ни искусственной.

А тут… Оля кормила дочку. Неприкрыто. Наслаждаясь процессом. У Ольги была шикарная, тяжелая грудь, за которую обеими ручонками ухватилась Саша. По типу: «Моё, не отдам!»

По позвоночнику Громова прокатился жар. Шандарахнуло и в голову. В висках запульсировало. Умом мужчина понимал, что грудное кормление никак не входит в табуирование. Сейчас женщины кормят детей, где им приспичит. И в кафе, и в скверах. Про стеснение давно забыто. Да и какое может быть

стеснение? Что может быть естественнее, чем кормить дитятко грудью?

Петр хотел бы, чтобы его ребенка кормили первый год грудным молоком…

В горле образовался ком. Громов нахмурился. Происходящее начинало напрягать.

Причем открыто.

Более того, он почувствовал себя извращенцем, когда понял, что вид обнаженной Олиной груди его заводит.

Как мужика.

Девушка не сразу заметила присутствие мужчины.

Или была настолько поглощена дочкой, или Петр по привычке действовал бесшумно.

Она медленно подняла голову и сразу же натолкнулась на пристальный и жадный взгляд, которым Громов беззастенчиво пожирал её грудь.

То, что он видел, ему нравилось. Чертовски.

Ольга вспыхнула. Удивленно моргнула, даже губы приоткрыла, чтобы что-то сказать, но не сразу совладала с эмоциями. По её лицу от возмущения пошли красные пятна.

Правая рука была в гипсе. Ей она попыталась прикрыть грудь.

– А стучать?.. – выдохнула, наконец, девушка.

Сам Громов не спешил заводить диалог.

Он смотрел.

Снова и снова.

Красивая девушка с ребенком… Завораживающая картина.

– Не стал, – коротко бросил Петр, проходя в палату, точно здесь и сейчас не происходило ничего странного и он имел полное право присутствовать. В груди продолжал расти непонятный жар. Или давление? Что-то новое, что ему не нравилось.

Громов терпеть не мог ситуации, которые не понимал и не контролировал.

Они вызывали здоровую злость, раздражение и потребность всё исправить.

– Отвернитесь, пожалуйста, – быстро и явно волнуясь, попросила Оля, заерзав.

Саша, которую потревожили и оторвали от занятного занятия, тоже завозилась и закряхтела, выражая протест и готовность в случае необходимости подтвердить его громким ором.

Намеренно отворачиваться Петр не собирался. Но глазеть перестал. Настраивать молодую маму против себя не стоит. Им ещё разговаривать.

– Как самочувствие? – спросил он, подходя к окну. Можно было, конечно, опуститься в кресло, но тогда получилось бы, что он проигнорирует просьбу Ольги.

– Я не ждала вас… Вернее… Господи, что-то я ничего не соображаю…

Её сбивчивый тон насторожил Петра, и он снова обернулся. Разговаривать, не видя собеседника, Петр не любил.

– Всё-всё, роднулькин, хватит, – девушка поспешно прятала грудь в бюстгальтер и натягивала полы халата. Дочку она успела положить рядом. Та быстро перевернулась и, кряхтя, поползла по кровати. Оля сразу потянулась за ней.

Что-то пошло не так. Ольга громко застонала, поморщилась и повела правой рукой, которая у неё, видимо, была рабочей.

Громов, ничего не говоря, быстро подошел к кровати и встал таким образом, чтобы в любой момент можно было перехватить ребенка. Егоза, насытившись, решила поиграть.

– Давай-ка я тебя, Александра, перенесу в манеж.

Он уже потянул руки к ребенку и услышал:

– Не трогайте мою дочь.

Глава 5

Громов ожидал нечто подобное. Отреагировал вполне сносно.

Хотя мог и иначе…

– Хочешь, чтобы она упала? И ты за ней следом? Интересная картина будет. Тебе мало травм? Хочешь снова своим телом придавить дочь?

Кажется, он хотел без накаливания ситуации…

Не вышло.

Оказавшись поблизости от Оли, его неожиданно понесло. Хватило её решительно-негодующего тона и настороженного взгляда, отталкивающего, возводящего между ними невидимый барьер, который сразу же захотелось снести нахер.

Ольга тоже не ожидала ничего подобного. Точно не резкого тона. Она собиралась вести разговор с позиции обвиняемой, чего Петр не собирался допускать.

Не от нее.

– Придавить?.. – она растерянно моргнула, потом быстро перевела взгляд на дочь. – О чем вы говорите?

– О том.

Саша как раз подползла к краю. Петр ловко подхватил её на руки, приготовившись к громкому плачу. Как-никак он чужой для неё человек. Дети не любят чужих. Так, по крайней мере, говорили все, у кого есть дети.

Саша не заплакала. Более того, сытая и довольная, она загулила и что-то залепетала на своем языке, протягивая ручонки к его лицу. Петр напрягся. Он не то чтобы не знал, как обращаться с детьми. Скорее, в данный момент был настроен на иное.

Ольга снова подалась вперед, уперев здоровую руку в матрас, и не сводила с них настороженного пытливого взгляда. Полы халата снова опасно разошлись в стороны, открывая мужчине красивую ложбинку между грудей.

Четверка.

Крепкая и упругая.

– Ну что, мелюзга, пойдешь поиграешь? Дай нам с мамой поговорить, – Петр, не делая резких движений и позволяя Саше потрепать ворот его свитера, развернулся, игнорируя Олю.

Той надо успокоиться. И уже сложить, наконец, дважды два.

Саша не возражала.

В манеже находилось много новых для ребенка игрушек. Она улеглась на живот, схватила первую попавшуюся и потянула её в рот, пробуя на вкус и на крепость. Петру малышка нравилась. По крайней мере, на первый взгляд она вызывала симпатию и не казалась избалованной.

Оля выпрямилась, снова сцепив полы халата на груди здоровой руки. Выглядела девушка встревоженной и взъерошенной. Она перевела взгляд с ребенка на

Громова. Петр уверенным шагом прошел к креслу и опустился в него. Не возвышаться же над Ольгой, стоя рядом с кроватью. А мяться и топтаться на месте он не привык.

Громов сел, подался вперед, положив локти на колени и переплетя пальцы в замок.

– Поговорим?

Девушка недовольно поджала губы и кивнула.

– Конечно… Петр Михайлович.

А вот и вторые ласточки к нему полетели. Ольга продолжала гнуть свою линию, не желая прислушиваться к доводам разума. Смотря на неё, генерал не верил, что она не успела сопоставить все факты.

Что ж…

Раз начали разговаривать в подобном тоне, продолжит и он.

– Я так понимаю, ты уже достаточно пришла в себя и окрепла? Я рад. Итак, что мы имеем. Есть два варианта нашего дальнейшего сотрудничества.

– Два варианта?.. Сотрудничества?..

Девушка перебила его, по факту не дослушав. Громов начинал раздражаться. Он пытался сохранить остатки нейтрального настроя, хотя усталость брала своё. Воевать с женщиной, выслушивать истерики и претензии – не лучшая перспектива.

– Да, – подтвердил он, посылая Ольге предупреждающий взгляд.

Она его проигнорировала.

Мотнула головой, отчего белые пряди приятно колыхнулись. Интересно, они мягкие на ощупь? Пережженными не выглядят.

– Нет. Нет… – снова повторила она для убедительности, точно одного раза было недостаточно. Дыхание у Ольги сбивалось, волнение крыло и выходило на передний план. – Я знаю, что вы мне собираетесь предложить. Вы вчера совершили преступление. Сели за руль пьяным. Я учуяла запах перегара. И по вашей вине мы пострадали! Ни о чем я с вами договариваться не буду. Как только мне вернут сумку и телефон, а я уже об этом попросила медсестру, я звоню в ДПС.

Громов шумно вздохнул.

Вот что за народ эти бабы? А?

Хочется по-хорошему. По-доброму. Без лишней суеты и передряги.

Но нет, надо сначала свой норов показать. Перечеркнуть все на начальной стадии, а потом, когда произойдет расстановка сил, поджать хвост и начать лебезить, договариваться!

Петр завелся.

– И что ты скажешь офицерам ДПС? – лениво растягивая слова, поинтересовался он. Ему, и правда, стало любопытно. Ну а вдруг услышит что-то интересное.

– Знаете что! – Оля повысила голос, но тотчас сбавила тон, быстро бросив тревожный взгляд на дочь, которая по-прежнему занималась игрушками и совершенно не обращала внимания на то, чем заняты взрослые. – Думаете, я не поняла, где нахожусь? Военный госпиталь, правильно? Я видела офицеров. Слишком много для обычной больнички… Далее. Кто вы? Судя по возрасту, вы капитан или майор. Связи, несомненно, есть, с чем я вас и поздравляю. Но на этом мы ставим точку. Я не собираюсь играть с вами ни в какие игры, ни в какие договоренности. Из-за вас мы едва не погибли! Если бы вы в нас не влетели, то ни я, – она перевела дыхание, отчего её грудь призывно колыхнулась, – ни Саша не пострадали бы. И нам не пришлось бы сейчас находиться здесь!

– Выговорилась? Мне слово дашь или продолжишь лить воду? – холодно поинтересовался Громов, желая остудить и приструнить Олю.

Пока она говорила, её щеки разрумянились. В глазах появился нездоровый блеск. За порывистостью слов и суждений девушка пыталась скрыть накатывающую волнами панику.

– Я не лью воду, – взбрыкнула она, защищаясь, хотя он ещё и не нападал. Видимо, девушка решила иначе.

Зря…

– Я говорю по существу. Вы пришли договариваться. И я сразу говорю: нет. А вот это всё, – она подбородком указала на палату, – лишнее.

Петр решил выдержать паузу.

Девочка речь готовила с утра. Как проснулась, так и начала подбирать слова. Готовилась. Зачем её разочаровывать? Уважать надо чужой труд.

Громов никогда не относил себя к щепетильным товарищам. Сам рано «шкурой» оброс и от окружения требовал того же. Можно, конечно, немного понежничать с любовницами, девочки такие девочки. Но потом обязательно обозначить границы. Чтобы в дальнейшем избежать лишних разногласий и непонимания.

То же самое захотелось сделать и с Ольгой. Подойти, собрать светлые волосы в кулак и оттянуть максимально назад, обнажая беззащитную шею и вид сверху на шикарную грудь. И дать понять, что разговоры закончились.

Ольга смотрела на него в ожидании ответа. Хмурилась, нервно теребя чертовы полы халата, которые ни ему, ни ей не давали покоя.

Значит, капитан или майор… Интересно, девочка в курсе, что капитанами обычно «ходят» до тридцатки, чаще всего раньше скидывая звезды и нацепляя на погоны одну майорскую.

Низковато она его оценила.

– Очень жаль, что конструктивного разговора с тобой не получается, Оля, – он намеренно её назвал по-простому. Она поняла, вспыхнув ещё сильнее, недовольно поджав губы. – Вчерашнее происшествие неприятное. Я дал тебе возможность высказаться, теперь включи благоразумие, если таковое имеется в твоей блондинистой головке, закрой на несколько минут рот и послушай мой расклад.

Громова распирало. Вместо того чтобы заниматься делами, решать насущные заботы, он нянчится с цепанувшей его девицей, которая не успела пару слов сказать, а ему хочется придушить её. Точнее, сдернуть к херам собачьим больничный халат, задрать сорочку и ощутимо приложиться ладонью по аппетитной заднице, чтобы Оля в следующий раз думала, что говорит и кому.

На лице девушки отразились растерянность и недоумение.

– Твоя машина стояла на обочине. Перед поворотом. Доказательств того, что она стояла, нет. Экспертизу провести не составит большого труда. Далее… – внезапно Громов усмехнулся и откинулся назад. – Хотя знаешь что, Оля, ничего я тебе растолковывать не буду. Лучше понаблюдаю. Ты что-то говорила про ДПС? Вызываем? Прямо сюда.

– Вы глумитесь.

Её выканье его забавляло равно в той же степени, что и раздражало.

– Нет. Ни разу. Я на самом деле хотел с тобой договориться, предложить помощь. Даже в той же эвакуации машины, – о том, что он отдал соответствующее распоряжение и несчастную «Ладу» уже доставили на знакомую станцию техобслуживания, мужчина говорить не стал. – Вижу, тебе она не нужна. И правда, зачем что-то обсуждать с кем-то?.. С виновником ДТП? А вот тут спорный вопрос, детка. Позволь-ка полюбопытствовать и узнать, что ты делала ночью на трассе? Хотя нет, не говори. Неинтересно. Куда ты ехала и зачем – твои заботы. Адекватные водители, соблюдающие элементарные правила безопасности, никогда не остановятся ночью, в дождливую погоду перед поворотом, потому что вероятность заноса встречной машины довольно высока. Ты говоришь, что я был пьяным. Не факт. Как и не факт и то, что ты, находясь под воздействием ранее принятого спиртного, поругавшись с парнем-мужем-любовником, не схватила ребенка, не прыгнула в машину и не понеслась

в ночь. А по дороге тебя раскемарило, и ты остановилась где ни попадя.

– Чтоо? – от возмущения у неё округлились глаза. – Я не пью! Я кормлю грудью!

– Я видел.

Алый рот, на котором, к сожалению Громова, красовались несколько ссадин, открылся от негодования. Оля собиралась и дальше продолжить возмущаться, но не нашлась, что сказать. Выдохнула и снова покачала головой, мысленно продолжив нелицеприятно о нем отзываться.

Громов же продолжил наблюдать за ней. Боковым зрением он присматривал за Сашей. Та села на попу и начала крутить в руках книжку, потом потянула её в рот, решив попробовать на вкус.

– Вы несете бред, – негромко, явно сбавив пыл, сказала Оля через небольшую заминку. – Вы сейчас меня пытаетесь запугать! Так?

– Мне это надо?

– Не знаю, – мотнула она головой. – Вы виновник аварии, вы…

– За рулем был мой водитель, – не моргнув глазом, соврал Громов. – Что там полагается по закону в таких случаях? Штраф?

– Я пострадала и…

– Это надо ещё доказать, Оля.

Вот теперь до неё окончательно дошло, что произошло. И что происходит сейчас. И даже то, как, возможно, будут развиваться события дальше.

Девушка откинула в сторону одеяло и свесила ноги. Здоровой рукой уперлась в матрас, наконец, оставив халат в покое. Халат оказался не длинным. Колени кое-как прикрывал.

Петр напрягся. Голые женские ноги и в Арктике голые женские ноги. Ничего особенного. Красивые колени, изящные тонкие икры. Сами стопы тоже небольшие. Тридцать шестой – определил Громов. На пальчиках изящный голубоватый педикюр. Ничего броского, вызывающего.

Этой девушке и не надо прилагать особых усилий, надевать кричащие и яркие наряды, чтобы зацепить мужские взгляды и вызвать женскую зависть. Бывают такие девушки, про которых мужики между собой говорят, что куночка у них медом намазана. И представители сильного пола летят на них, теряя ориентир, здравый смысл и прочие доблести, в том числе материального плана.

– Что вы имеете в виду? – вкрадчиво и уже более осторожно спросила она.

В её голосе появилось недоверие. Ушел лишний пыл.

Петр ненавидел давить на женщин и разговаривать с позиции силы. Ни физической, ни моральной. Но иногда иначе не получалось.

Это как пощечина при истерике. Когда уговоры совершенно бессмысленны. Так и тут. Оля вбила себе в голову, что ей нужна справедливость, какой бы та ни была и как бы ни выглядела.

– Хочешь услышать сразу про негативный сценарий, Оля? Ок. Я не против. Итак, что мы имеем. За рулем сидел мой водила Сергей. Экспертиза покажет, что в его крови нет и намека на алкоголь. Проверят сиденье. Сидел на нем, естественно, и я. Машина-то моя. Это логично. Далее… Погода сыграла с нами злую шутку. Даже если предположить, что ты, – он сделал на последнем слове ударение, – докажешь, что Сергей виновен в аварии, его не посадят. Слетят погоны у парня, заплатит штраф. Получит условный. Парню карьеру на корню зарубишь.

Естественно, ни о какой подставе Сереги не шло и речи. Парня он даже втягивать не будет. Хотя и не сомневался, что тот без проблем подпишется.

Глава 6

Слова Петра произвели на Ольгу впечатление. Девушка побледнела, занервничала. Чтобы скрыть нервозность, она встала.

Вот.

Что он и хотел.

Наконец-то мужчина смог её нормально рассмотреть.

Вчера мешало пальто, и общая атмосфера не позволяла полюбоваться женским телом.

Халат не скрывал формы Оли. При таких природных данных надо умудриться испортить себя. Обтекаемая, шикарная. Других слов у Петра не нашлось.

У них в штабе тоже работали красивые девочки. Куда без них. Даже в армии они нужны. Необходимы, сказал бы Петр. Гостей встретить, в сауну сопроводить. Если девочки хорошо старались, то и звезды им на плечи хорошо ложились. Плавненько так. Регулярно. Как и их ножки на плечи некоторых особо любвеобильных товарищей.

Петр относился к ним, как к рабочему инструменту. Ни одна красивая и уважающая себя девушка не пойдет в армию. Его могут снова обвинить в шовинизме, пусть попробуют. Будет у него дочь – ей лучше даже не заикаться ни про полицию, ни про армию.

Сам он девчонок не ломал. Неинтересно было. Надя удовлетворяла все его потребности в сексе и поддерживала любые эксперименты. Сама часто шалила.

Другие мужики, наделенные нехилой властью, не признавали слова «нет». И если наталкивались на него, то вели себя агрессивно. Во всех планах. В ход шло всё: угрозы, шантаж, моральное насилие. Почти никто не выдерживал. Если у девочек не было протекции сверху, считай, прогнут. Замужем, не замужем – значения не имело. Имеешь красивое личико, сексуальную задницу, пришла работать в мужское логово – будь готова задницу подставлять.

Громов, которого распирало изнутри, наблюдал за Ольгой, выцепая каждую деталь и сожалея, что под халатом имелась довольно плотная сорочка, мешающая в полной мере рассмотреть то, что жаждал увидеть Петр.

А жаждал он увидеть всё.

Его интерес к этой блондиночке возрастал с каждой минутой. Было в ней многое, что цепляло. Нехило так.

Он мысленно усмехнулся. Что, Громов, была бы твоя воля – прямо сейчас девочку разложил бы?

Разложил бы…

На спинку. Или на бочок. Чтобы не травмировать руку. Он даже аккуратничал бы.

Наверное…

В штанах ощутимо потяжелело.

Оля налила себе воды, встав спиной к Громову.

Надо же… Какая яркая демонстрация его неприятия! Петр напрягся.

Неужели и он столкнулся с тем самым роковым «нет»?..

Понравилась ему Оля. Зацепила на уровне инстинктов, взбудоражила в нем хищника. Он к ней пришел с открытой душой… Ладно, почти с открытой, готовый договариваться и оказывать посильную помощь, а Оля взбрыкнула.

Что, рожей не вышел?

– Я не верю вам, – сказала она, не поворачиваясь и допивая воду.

– Твоё право, – спокойно отозвался Петр, зафиксировав, что Саша продолжала возиться в манеже.

– И не верю, что водитель ваш был за рулем, – выдохнула она, наконец, поворачиваясь к нему.

От воды её губы увлажнились, поблескивали. Это тоже генерал оценил.

Оля возвращаться в кровать не спешила. Встала, уперевшись в боковину кровати и тумбочку.

– И на это тоже твоё право. Я тебе расклад дал.

– Какой расклад? Вы пытаетесь выгородить себя и…

– Оль, – грубовато обрубил её Петр, подозревая, что сейчас пойдет повторная волна, – вчера ты произвела впечатление неглупой молодой женщины. Давай ты его не будешь портить.

Ольга задышала глубже, отчего её тяжелая грудь колыхнулась.

С этой женщиной невозможно разговаривать, не акцентируясь на её физиологии! Млядство какое-то!

– Вы уже решили все за меня? Так ведь? – негромко проговорила она, яростно сверкая глазюками.

Петр наигранно шумно вздохнул и направился к ней. Оля мгновенно насторожилась. Не надо знать физиогномику, чтобы понять, какое отторжение и яростное желание удержать мужчину на расстоянии она испытывает.

Оля, кажется, даже дышать позабыла. Глаза девушки по мере его приближения распахивались сильнее. Как тут их не сравнить с озерами… Громов, твою ж дивизию, ты когда в романтики заделался?

Но он ничего не желал менять.

Петр поймал себя на сумасшедшей, совершенно дикой мысли, что происходящее не просто его заводит. Ему в кайф. Пусть его штормит, злит, где-то сворачивает в узел, но не оставляет равнодушным.

Последние годы всё-таки шли относительно ровно. Даже генерала он получал, как нечто само собой разумеющееся. Знал, что рано или поздно добьется своего, потому что на протяжении многих лет работал в одном направлении.

Оля же…

Что с ней не так? Какого черта он ловит малейшую её эмоцию? Громов, конечно, не привык ломать девочек, но и прогибаться тоже.

Остановился Петр на комфортном для обоих расстоянии. Снова отметил ссадины на лице Оли. Что-то не складывалось в общую картину. Ссадин и синяков он повидал много. И почему некоторые, которые Петр сейчас наблюдал, вызывали у него вопросы.

– Ты хотела звонить в ДПС? Звони, – Громов достал из кармана телефон, разблокировал его и протянул вмиг притихшей Ольге. – Помнишь место, где случилась авария? Сможешь операм дать точные координаты? Или поступишь, как истинная женщина: «Езжайте туда, не знаю куда»? Не хочешь звонить операм? Давай тогда позвони кому-то ещё. Тому, кто приедет сюда – не переживай, адрес госпиталя я сообщу – и порешает вопросы за тебя. Не хочешь обсуждать их ты – пусть это сделает твой мужчина.

Не стоило ему подходить к ней близко.

Оля быстро-быстро заморгала ресницами, и он с удивлением понял, что она пытается скрыть накатившие на глаза слезы.

Неужели перегнул?..

Да он вроде особо и не жестил! Черт побери! Если бы она не пререкалась с ним постоянно, то он говорил бы мягче.

– А что толку звонить? – с дрожью в голосе проговорила Оля, морщась и шумно сглатывая. – Я прекрасно вижу, что происходит. Вы умело запутали следы. Я ещё плохо понимаю, зачем вам это надо. Но уже то, что вы скрылись с места ДТП…

– Я о тебе думал и о твоей дочери, идиотка, – зашипел Петр, мечтая сжать тонкую шею Оли со спины.

Взять в захват. Подчинить. И заставить, наконец, замолчать.

– Если бы вы были трезвы, то ничего не случилось бы!

– Если бы ты не остановилась в неположенном месте – тоже! Ты аварийки включила? Аварийные знаки выставила? – выдохнул и снова уточнил: – Будешь разговаривать?

Громов ещё раз сделал акцент на телефоне. Взгляд девушки метнулся к гаджету. На мгновение в её глазах и на лице отразились недоумение, растерянность, а потом Оля покачала головой.

– Я хочу, чтобы вернули мои вещи. Я позвоню… Но со своего телефона.

– Ок. Без проблем.

Раздражение Громова росло. Какого черта он вообще тут делает? Беседует с блондиночкой? Смотрит на неё!

В конце-то концов!

Скрипя зубами и чувствуя, как кровь закипает и в нем просыпаются вполне обоснованные при данной ситуации древние инстинкты подчинить неугомонную особу женского пола, заткнуть ей рот единственно доступным мужчине способом, Петр сделал несколько шагов в сторону.

От греха подальше.

Атмосфера в палате сгущалась.

По-хорошему, Петру надо уйти. Вернуться или на квартиру, или в штаб. Первое предпочтительнее. Хоть выспится.

– То есть… – неуверенный голос Оли врезался ему в спину. Петр остановился и обернулся. Оля смотрела на него. – Получается, я косвенно причастна к аварии?

Да ну на хер! Неужели в красивой головке что-то сдвинулось, и винтики начали шуршать в правильном направлении?

– Причастны многие, – сухо бросил Громов, но пыл приостановил. – Поэтому я тут. Фуру, что скрылась, уже ищут. Данные переданы.

– Господи, – ненаигранно простонала Оля и здоровой рукой провела по лицу. – Одно к одному… А моя машина? Она ещё там, в поле, да?

Кто бы что ни говорил, но в беспомощности красивой женщины скрыто своё очарование. Даже не очарование, а что-то куда более сильное. Не зря раньше представительницы прекрасного пола были слабыми и беззащитными, возлагали на мужчин заботу о себе. Те же жили и совершали подвиги во благо своих возлюбленных. Ну, и конечно, себе во славу.

Генерала лично такой расклад полностью устраивал. Ему нравилось, когда женщина, если не полностью зависела от него, то в большей степени. И дело не в его диктаторских замашках. От сильных баб – именно баб – он и на работе уставал. Не только красивые девочки служили с ним.

Воевать, спорить, выяснять, у кого яйца круче, хватало с лихвой за пределами спальни. В спальне он хотел видеть покладистую кошечку, готовую ублажать его потребности.

Поэтому Петр оставался закоренелым шовинистом.

Беззащитность Оли ему пришлась по вкусу. Намеренно никогда бы не загнал её в угол. Это перебор, даже для него.

А вот так…

– Я уточню. Её должны эвакуировать.

Оля удивилась. Глаза, в которых ещё плескались растерянность и слишком близко подкравшиеся слезы, распахнулись. Сейчас, когда с неё схлынула спесь и заготовленная заранее агрессия, девушка стала производить ещё более приятное впечатление.

– Спасибо, – глухо поблагодарила она, отводя взгляд.

Последняя реакция не понравилась Петру. Всё-таки он предпочел бы, чтобы Оля смотрела на него.

– Что ты делала ночью на безлюдной трассе? Точнее, почему остановилась?

Оля шумно вздохнула, отчего её тяжелая грудь призывно колыхнулась.

– Саша проснулась и сильно расплакалась. Я надеялась… думала, что смогу доехать до ближайшего населенного пункта или… – девушка покачала головой и сделала небольшую паузу. – Этот дождь… и всё прочее… Вы правы, Петр Михайлович, я остановилась в неположенном месте.

Девушка капитулировала, но Громов никакого чувства удовлетворения не испытал.

Абсолютно.

Он хотел задать следующий вопрос, но их прервал стук в дверь.

Глава 7

– Да? – пробасил Петр, а Ольга внутренне поежилась.

Она чего-то не понимает… Вернее, многого.

Когда в больничке персонал стучался, прежде чем войти в палату? Оля не помнила.

Голова по-прежнему кружилась, слабость не отпускала.

И мужчина… Именно он отозвался на стук.

Дверь осторожно открыли, и показалась невысокая медсестра с приветливой дежурной улыбкой.

– Петр Михайлович, вас спрашивают. Извините, что прерываю… – девушка не договорила, покраснев.

Оля, наблюдая за медсестрой, мысленно усмехнулась. Она отлично понимала девушку! Молоденькая совсем, наверное, даже моложе Оли или ровесница. Ольга заметила, как та смотрит на мужчину. С явным интересом и интуитивным желанием понравиться, привлечь к себе внимание.

Что снова немного выбивало Олю из колеи.

Происходящее до сих пор воспринималось через какую-то искаженную призму. Никак не укладывалось в голове, не сводились концы с концами. Ситуация ухудшалась плохим самочувствием. Врачи диагностировали сотрясение мозга, сказали: строгий постельный режим.

Оле хотелось схватить Сашеньку и бежать дальше, куда глаза глядят.

Громов нахмурился, перевел взгляд с медсестры на Олю.

И этот взгляд…

Черт, у Ольги от него мурашки по коже начинали бегать! Никто на неё никогда так не смотрел, как Петр. Вроде бы на первый взгляд обычный мужчина. Высокий, широкоплечий, с военной выправкой, как говаривали в старые времена. Идеально ровная спина, разворот плеч. Видно, что мужчина много и регулярно занимается спортом, ни единого намека на жировые отложения. Это на первый взгляд. Более тщательно фигуру Громова она не рассматривала, да и

не планировала этого делать.

Лицо… Тут тоже вроде бы ничего примечательного, но между тем Олю царапнуло. Жесткое, волевое. Высеченное невидимым скульптором – так принято писать в художественных произведениях про подобные лица. Широкий лоб, кустистые брови, нос с горбинкой – скорее всего, после перелома. Губы полнее средних. Подбородок квадратный, подчеркнутый дневной щетиной.

Если собрать все черты в кучу, то получается интересная картина.

Этакий мачо, любимец женщин.

Если бы не взгляд человека, который привык отдавать приказы.

По тому, что они прибыли в военный госпиталь, Оля поняла, что не ошиблась. Военных она не то чтобы не любила. Она к ним относилась ровно. Жизнь никогда не сталкивала её с представителями данной профессии, и девушка предпочла бы и дальше не иметь с ними ничего общего.

Военный госпиталь был выше её понимания. Как она здесь могла оказаться при других обстоятельствах? Да никак.

Это учреждение ассоциировалось у неё с ранеными бойцами, с кровью. Тут же всё было иначе.

Чистенько, стерильно. И во всем виделись деньги. Точно Оля находилась в коммерческой клинике, причем не для простых смертных.

Вчера ей было не до рассматриваний. Она находилась в полушоковом состоянии. Сначала дом, потом авария. Страх за дочку, за Сашеньку. Про себя она почти не думала. Врачи что-то ей говорили, спрашивали, Ольга отвечала на автомате, сама молила Бога, чтобы с дочкой ничего не случилось.

Как поняла – пронесло… Авария не нанесла повреждений Саше.

Обошлось…

Ночное обследование Оля так же не помнила. Её куда-то просили пройти, что-то с ней делали.

Боль в руке и во всем теле усиливалась. Ей вкололи обезболивающее, оно подействовало на некоторое время.

Когда её рука оказалась в гипсе, к Ольге подобралась тихая истерика. Если бы к тому времени Саша не уснула, сладко посапывая, то Оля рассмеялась бы в голос.

А что! Достойное завершение дня.

И главное! Нет, чтобы сломать левую руку. Надо такому случиться, чтобы пострадала именно ведущая правая рука.

И как Оля будет обслуживать себя?

Как она будет обслуживать Сашу…

Голова готова была взорваться от негативных мыслей, от терзающих душу вопросов, на которых у девушки не находилось ни одного вопроса.

Оля не заметила, как уснула. Утром возникло ощущение, что ей что-то вкололи, чтобы она поспала. Потому что в кроватке Саши она увидела бутылочку со смесью. Значит, приходила детская медсестра и покормила дочку.

Оля и не слышала.

От взгляда на роднульку сердце Оли разрывалось от тревоги и неопределенности. На глазах то и дело наворачивались слезы, но девушка держалась из последних сил. Жалеть себя – не время. Потом придут дни, когда она даст себе возможность порыдать всласть. А может, и не даст.

Первый стыд Оля испытала, когда медсестричка ей предложила помощь в мытье головы.

– Давайте по-быстрому, пока ваш карапуз спит.

Сначала Оля хотела отказаться. Потом мысленно махнула рукой. Когда ещё представится возможность помыть нормально волосы? Да ещё учитывая то, что у неё сотрясение.

Беспомощность накатила именно в ванной.

– Гипс мочить нежелательно, – между тем деловито вещала медсестра. – Повязка со временем просохнет, но внутренний слой ткани будет влажным долгое время. Это может вызвать раздражение кожи. Плюс лонгета может изменить форму, и фиксация перестанет быть надежной. Поэтому поберегите гипс от воды.

– Я вас поняла, – дрогнувшим голосом отозвалась Оля, а у самой в голосе мысли только о Саше.

Как она теперь будет справляться с дочкой? Та постоянно висла на руках, немного посидит в коляске и начинает елозить, капризничать. Маме таскать тяжести нельзя.

Виталик… Про него она мысли гнала прочь. Нет его больше в её жизни! Вернее, в их.

Можно обратиться к Марине Викторовне. С кем, с кем, а со свекровью Оле повезло. Умная, добрая женщина, видящая всё, что надо. И не надо – тоже.

Но звонить ей сейчас было стыдно.

Не готова она разговору с ней.

Оля не исключала, что Марина Викторовна уже в курсе и звонила ей. Хотя и сомнительно. Виталик предпочтет пока отмолчаться. Он не любил признавать себя неправым, а то, что произошло…

Сушить волосы Оля отказалась, хотя ей показали, где находится фен. Смотря на серебристый прибор, Оля не знала, смеяться ей или плакать. Мало того, что в больнице – нет, в госпитале! – у неё при палате душевая, так ещё и фен имеется.

Дальше – хуже.

Проснулась Саша. Оля кое-как ей помогла взобраться на кровать и устроиться у себя на коленях. Дочка сначала не поняла, почему мама отказывается брать её на руки. Белый предмет на руке матери заинтересовал малышку, и она что-то быстро-быстро заговорила на своем тарабарском, потрогала, пощупала, потом попыталась «взять» на единственный зуб. Оля ловко перехватила дочку и потянула на себя.

– Как-то так теперь, роднульник. Мы же справимся с тобой, моя хорошая? Правда?

– Да! – отважно заявила её девочка, принимаясь за еду.

Оле нравилось кормить, и в ближайшие месяцы она не планировала прекращать. Многие женщины отказывались от грудного кормления по явным причинам. Мол, грудь испортится, появятся растяжки. Оле повезло – за время беременности и после рождения Сашеньки грудь максимум увеличилась на полразмера. Она даже бюстгальтеры не меняла. Ни одной растяжки тоже не появилось.

Грудь у Оли была большой и упругой. Крепкая «четверочка», которая ей самой была по душе. Не сказать, чтобы девушка ей гордилась, но в душе появлялось тепло и удовлетворение, когда ловила мужские взгляды на ней.

Раньше… Потом случилась любовь, Виталик, рождение Саши. И грудь плавно переросла в «титю». Сейчас Оля не воспринимала её, как женское достоинство.

Ровно до того момента, пока не увидела, как на неё смотрит Громов.

Она не то чтобы не ждала его появления утром. Понимала, что виновник аварии появится в палате и начнет договариваться. Оля накручивала себя сознательно. Ей необходимо было выплеснуть весь негатив, что накопился за последние сутки. Он плескался в ней, выжигая изнутри.

По-хорошему, ей бы поплакать… Но нельзя. Саша испугается, да и головные боли нашептывали, что Ольге следует быть осторожнее.

Мужской взгляд, обращенный на её грудь, сбил Олю с настроя.

Громов смотрел так… плотоядно, что ли. Прости Господи, но другой ассоциации не возникло. Её «четверка» всегда привлекала внимание, чего уж тут греха таить. Учитывая, что природа наделила Олю фигурой песочных часов. Причем очень ярко выраженных. Большая грудь, тонкая талия, крутые бедра. Три в одном. У Оли всегда имелся небольшой лишний вес, но она научилась его маскировать утягивающим комфортным бельем.

А судя по тому, как стремительно развивалась мода на бодипозитив и пышек, её фигура невольно оказывалась в центре внимания. Оля к происходящему относилась ровно, подчеркивала достоинства, прятала недостатки. Иногда раздражало, что мужчины видят только её фигуру, как они говорили – «пышные формы», и им откровенно плевать, что Оля из себя представляла дальше.

Виталик тоже так думал. Только она, дура, окрыленная любовью, предпочитала закрывать глаза. Всё видела, замечала, но мирилась. Спрашивается, почему, для чего? Вопросы, относящиеся к разряду риторических.

О том, что у неё всё-таки не «тити», а грудь, Ольга мгновенно вспомнила, увидев Громова.

Тот задержался на несколько секунд.

Этого хватило.

У Ольги по позвоночнику побежали мурашки. Слишком много мужского было во взгляде Громова.

Назойливый внутренний голос, ехидный, зачастую злой, пробуждающийся в самые ненужные моменты, когда эмоциональные качели раскачивались и без того с удвоенной силой, сладко пропел, что Виталик в лучшие времена никогда не смотрел на грудь Оли с таким выраженным вожделением.

И в принципе на неё не смотрел.

Мужчина прошел в палату, чувствуя себя тут на правах хозяина.

Оля рассчитывала, что ей дадут высказаться. Дали. Толку-то?

Мужчина давил на Олю одним присутствием. От него шла сумасшедшая, подавляющая энергетика. А когда он потянулся к Сашеньке, девушка готова была вцепиться в него ногтями, рвать и кусаться.

Оля не узнавала себя. Откуда в ней взялось столько негатива? Она относила себя к положительным персонажам.

Но этот Громов… Он изначально вызывал в ней сильнейший диссонанс. А когда разложил по полочкам, как и что вчера произошло, Ольга и вовсе почувствовала себя полным ничтожеством.

В горле образовался ком. Ни вдохнуть ни выдохнуть.

Правильно говорят, что неприятности не приходят поодиночке. Если уж кого-то решили «полюбить», то займутся плотничком.

Частично отсрочке её «казни» поспособствовала та самая медсестра, которая к ней заглядывала утром. Правда, теперь её поведение изменилось.

– Кто спрашивает? – по-деловому и четко бросил в ответ Петр.

– Там… на ресепшене, – снова расплывчато ответила медсестра. Лена, кажется. Оля читала её имя на бейджике, но в памяти отложилось нечетко.

Петр что-то негромко бросил, очень сильно смахивающее на «могучий и русский», после чего посмотрел на Ольгу.

– Мы не договорили.

Та поспешно кивнула.

Она на все согласится, лишь бы он сейчас ушел!

Ей вздохнуть надо… Понимаете?

И от него в том числе.

Петр направился к двери, видимо, посчитав, что его слов для Ольги достаточно. Когда мужчина проходил мимо, медсестричка перестала дышать и выдохнула, только когда он прикрыл за собой дверь.

– Вы как, Ольга?

– Нормально, – по привычке отозвалась девушка и автоматически добавила: – Наверное…

Медсестра замялась.

– Вам что-то надо? Пожелания какие-то? Скоро начнется обход.

Оля осторожно покачала головой, стараясь избегать резких движений.

– Тогда я оставлю вас. Чуть позже принесу смесь и пюрешки для вашей малютки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/serdce-oficera

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити